

Оксана Олеговна Звиденная¹
zvidenna@yandex.ru

Юрий Викторович Латушко²
latushko@ihaefe.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ р. БИКИН — ОТ ВРЕМЕНИ В.К. АРСЕНЬЕВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

В статье рассматриваются сакральные в традиционной культуре удэгейцев объекты ландшафта бассейна р. Бикин: горы (сопки, скалы), пещеры, деревья, а также места, связанные с конкретными людьми (именные объекты). Изучение подобных объектов было заложено экспедицией В.К. Арсеньева 1907—1908 гг. Источниковой базой данного исследования послужили отчёты В.К. Арсеньева, последующие материалы этнографов, ботаников, зоологов, геоморфологов, представителей государственных статистических ведомств, а также собственные полевые сборы 2019—2020 гг. авторов данной статьи. В исследованиях российских этнологов большое внимание уделяется анализу механизма моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов посредством знаково-символического контекста культуры, выраженного в понятии этнокультурной проекции. Осмысление природного ландшафта средствами этнокультурных проекций создаёт поле культурной коммуникации. На примере территориальной группы удэгейцев р. Бикин хорошо видна проективная матрица — объекты рельефа (горы, сопки, скалы, пещеры и др.), фитообъекты (в первую очередь деревья), именные объекты, которые продолжают символически осмысливаться и конституировать пространство удэгейской культуры. И сегодня ряд её элементов сохраняет былое значение, при том что часть смыслов утрачена или трансформировалась. Наиболее интересна эволюция образа Лаобату. Современные промысловые ритуалы отправляются, но уже не имеют привязки к традиционной мифологии. Отчасти это связано с разрушением шаманской культуры и современными этническими процессами.

Ключевые слова: удэгейцы, р. Бикин, этнокультурный ландшафт, этнокультурные проекции, традиционные и современные промысловые культы.

¹ Институт антропологии и этнологии РАН, Москва, Россия.

² Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Oksana O. Zvidennaya³

zvidenna@yandex.ru

Yuri V. Latushko⁴

latushko@ihaefe.ru

THE ETHNOCULTURAL LANDSCAPE OF THE BIKIN RIVER — FROM THE TIME OF V.K. ARSENIYEV TO THE PRESENT DAY

The article deals with the sacred objects of the landscape of the Bikin river basin in the traditional culture of the Udege: mountains (hills, rocks), caves, trees, as well as places associated with specific people (nominal objects). The study of such objects was laid by the expedition of V.K. Arseniev in 1907—1908. The source base for this study was the reports of V.K. Arseniev, subsequent materials of ethnographers, botanists, zoologists, geomorphologists, representatives of state statistical departments, as well as our own field collections in 2019—2020. In the studies of Russian ethnologists, much attention is paid to the analysis of the mechanism of modeling the historical and mythological perception of sacred landscapes through the sign-symbolic context of culture, expressed in the concept of ethno-cultural projection. Understanding the natural landscape by means of ethno-cultural projections creates a field of cultural communication. On the example of the territorial group of the Udege of the Bikin River, the projective matrix is clearly visible — relief objects (mountains, hills, rocks, caves, etc.), phyto-objects (primarily trees), nominal objects that continue to be symbolically comprehended and constitute the space of the Udege culture. And today several its elements retain their former meaning, even though some of the meanings have been lost or transformed. The most interesting is the evolution of the image of Laobatu god. Modern fishing rituals are sent, but no longer have a link to traditional mythology. This is partly due to the destruction of shamanic culture and modern ethnic processes.

Keywords: Udege, Bikin River, ethnocultural landscape, ethnocultural projections, traditional and modern cults.

Для миноритарных этнокультур Дальнего Востока России территория их проживания является непосредственным условием устойчивого развития и культурной идентичности. Этнокультурный ландшафт формирует региональное этнокультурное поле, включающее в себя всю совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем этносам, оставившим след в культуре того или иного региона.

³ Institute of Anthropology and Ethnology, RAS, Moscow, Russia.

⁴ Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Это и традиционные жилища, пища, одежда, местный фольклор, мифология места, восприятие местным сообществом своих традиций и образа ближайших соседей, благодаря чему проходит демаркация «своего» и «чужого» пространств. В таком случае физико-географические границы могут многое рассказать не только о характере и модальности хозяйственного освоения территории, но и о структуре массового сознания той или иной группы населения, а также дать дополнительные сведения о культурной специфике и векторе её изменений.

В условиях современного информационного общества образы «своей» территории ещё более прочно входят в структуру общественного сознания, в некоторых случаях довлея над фактическим прогрессом современной материальной жизни. Часто такие образы стереотипны, вторичны и/или субъективны. Поэтому их деконструкция методами культурной антропологии и антропогеографии является продуктивным инструментом научного анализа.

В исследованиях многих российских этнологов, особенно петербургской школы, большое внимание уделяется анализу механизма моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов посредством знаково-символического контекста культуры, выраженного в понятии этнокультурной проекции. Она понимается как «сложный процесс перенесения свойств внешнего объекта (в данном случае сакральных ландшафтов) на менталитет людей, а также как интроекция, то есть специфический механизм встраиваемости окружающего пространства во внутренний мир человека» [3, с. 215]. Природная система ландшафтов в результате антропогенной нагрузки наполняется пространственными представлениями и кодами культуры [5, с. 11].

В настоящей статье будут рассмотрены значимые с точки зрения культурных проекций элементы этнокультурного ландшафта бассейна р. Бикин. Он тесно связан с культурой бикинской группы удэгейцев, фундамент изучения которой заложил в начале XX в. известный путешественник и этнограф В.К. Арсеньев [1].

Бикин — правый северный приток р. Уссури, который связывает центральный Сихотэ-Алинь с основным бассейном Уссури с одной стороны и с восточной горной экспозицией и тихоокеанским побережьем с другой. Длина реки около 560 км, площадь бассейна — 22,3 тыс. км. В верховьях течёт в юго-западном направлении, затем меняет его на западное. Для рек данного бассейна прослеживается отчётливо выраженная зависимость густоты речной сети от

высоты водосбора. Значительно различаются их долины. В верхнем течении реки обычно проходят в V-образных или каньонообразных долинах, а в среднем и нижнем — в трапецеидальных или ящикообразных. Последние обычно приурочены к межгорным впадинам или тектоническим нарушениям [11, с. 19]. Бикин открыт для судоходства большую часть года: ледостав длится в среднем около 138 дней. Река имеет горно-таёжный характер: небольшую ширину русла (до нескольких десятков метров), значительное количество порогов и заломов. В её системе выделяются районы нижнего, среднего и верхнего Бикина. Верхний и отчасти средний Бикин изобилует протоками, имеет высокую скорость течения [8].

В середине XIX в., помимо прибрежных северных районов Приморья, территорией расселения удэгейцев были берега труднодоступных горных рек, прежде всего Хора, Бикина, Имана, Самарги и Анюя. Они были основными транспортными артериями, по которым люди перемещались к местам сезонного промысла или вели меновую торговлю с другими селениями. В бассейне р. Бикин проживали удэгейские семьи, ведущие кочевой образ жизни охотников-собирателей. В начале XX в. в данном районе насчитывалось 20—30 небольших удэгейских стойбищ, позднее объединённых в несколько крупных посёлков: вначале это были Метакеза, Валикан, Сяин, позже — с. Красный Яр, расположенное в среднем течении р. Бикин. Село было основано в 1957 г. как место компактного проживания бикинских удэгейцев и части уссурийских нанайцев. Из старых стойбищ до сегодняшнего дня сохранилось с. Олон, не менявшее своего местоположения. По сути, это один жилой массив с той разницей, что Олон расположен на другом, сравнительно более топком, берегу реки. В целом район среднего Бикина представляет собой территорию сравнительно поздней седентаризации. Первые долговременные поселения здесь зачастую основывали китайцы. По крайней мере, по описанию И.П. Надарова, к моменту освоения русскими эта земля выглядела как «обильная лесом и вообще растительностью, весьма мало населённая или, лучше сказать, мало обитаемая. Постоянные здесь жители — это оседлые китайцы, имеющие свои дома, огороды и пашни, и кочующие здесь орочны, не имеющие ничего более, кроме подвижного своего дома... и небольшой лёгкой лодочки» [цит. по: 9, с. 11]. Постепенно появлявшиеся стационарные стойбища и поселения — в среднем и верхнем течении — Метакеза, Чамуды(и)нза, Гангату, Лауха, Табандо (место недалеко

от современного пос. Верхний Перевал, район Бикино-Алчанского волока), Сяин (ок. 10 км от современного Красного Яра, ныне не существует), Сигоу (совр. пос. Ясеньевый) и др. образовывали «гирлянду» опорных точек коммуникации, становясь «логистическими узлами» огромной и малозаселённой горно-таёжной страны [7, с. 35]. Почти все они располагались в надпойменных районах, вблизи слияния нескольких главных проток либо волоков, что хорошо прослеживается по материалам исследовательских научных экспедиций конца XIX — начала XX в. Одной из самых значимых стала экспедиция 1907—1908 гг. выдающегося исследователя Уссурийского края В.К. Арсеньева. Бикинский маршрут входил в комплексную программу второй научно-исследовательской экспедиции горных районов Сихотэ-Алиня. Она началась в июне 1907 г. с обследования побережья Японского моря, а завершилась в январе 1908 г. в бассейне р. Бикин. Как результат В.К. Арсеньевым были составлены точные карты местности, описано биологическое и геологическое разнообразие, собран ценнейший этнографический материал. На своём пути экспедиция посетила почти все стационарные бикинские стойбища и селения на участке от устья р. Улунга (совр. назв. Светловодная) до селений Сяин и, далее, Табандо. О части стойбищ, не вошедших в маршрут, сведения записывались со слов информантов.

Материалы арсеньевской экспедиции, предшествовавших и последующих исследовательских экспедиций представителей разных областей науки — этнографов, ботаников, зоологов, геоморфологов, представителей государственных управлений и статистических ведомств⁵, а также полевые материалы авторов данной статьи стали источником для исследовательской работы по выявлению объектов культурного наследия и характеристики этнокультурного ландшафта начала XX в. на территории обитания бикинской группы удэгейцев, выполняемой для ФГБУ «Национальный парк „Бикин“» в 2017—2019 гг. В рамках данного проекта О.О. Звиденной было выявлено более 30 мест удэгейских стойбищ конца XIX — начала XX в.: временных и стационарных поселений, посёлков, образованных после переселения удэгейцев в 1930-х гг., расположенных в бассейне р. Бикин. В перечень вошли 15 стойбищ, зафиксированных В.К. Арсеньевым в упомянутой экспедиции 1907 г., отмеченных в путевом дневнике № 2. Это такие стойбища, как: Олон,

⁵ Подробный обзор см.: [4].

Сигоу, Сяин, Тугулу, Цамо-Диньцзы, Хуйтун, Митояц, Кактеуатами, Сидунгоу, Таянцанза, Хаба-гоу, Кангадоу, Тавасикчи (Лаохозень), Нодагасикчи, Хундуксу [ОИАК. Ф.14. Оп.1. Д.6]. Многие из них просуществовали до времени коллективизации и переселения удэгейцев в стационарные поселения. Большинство из них, несколько изменив звучание, но сохранив значение и принадлежность к той же территории, остались до сегодняшнего дня в роли охотничьих участков — места Хуйтун, Катэн, Судунгу, Ташанза, Хабагоу, Гангату, Тавасикчи, Лауха, Хандага (топонимы приводятся в современном произношении. — *О.З., Ю.Л.*).

Помимо исторических названий мест проживания, фиксировались современные устные предания о культовых (сакральных) местах, в которых отражается актуальная историческая память аборигенного населения о ранее существовавших на р. Бикин значимых сакральных объектах. Обиталищами духов становились причудливые каменные глыбы, скалы, необычной формы сопки, выделяющиеся из общего массива дерева, объекты и территория, отмеченные запоминающимися событиями. К таким относятся: оронимы г. Сивантай, г. Гонгулаза, г. Бахалаза, шаманская пещера г. Сиганку, шаманская пещера (без названия) в верховьях р. Бикин, священные деревья с культовыми «мео» («богомолками») [ПМА. Звиденная 2019]. Сведения о них сохраняются в фрагментах исторических источников, интервью со стариками, записанных в разные годы, в работах этнографов [ПМА. Латушко 2020]. Из перечисленных мест только скала г. Сивантай и г. Гонгулаза с расположенными на них «богомолками» сохраняют своё сакральное назначение до настоящего времени.

Топонимы, фигурирующие в фольклорных текстах, сохраняются в памяти народа в виде рассказов о местах проживания некоторых родов, людей прошлого и событиях. Однако значительная их часть локализуется по-разному на физической карте, порой в зависимости от точки зрения рассказчика. В данном случае речь идёт об этнокультурной проекции. Конкретное физическое место или объект не имеет точной физической привязки, а постоянно интерпретируется в зависимости от контекста. Это явление не уникально только лишь для аборигенов Уссурийского края, а повсеместно распространено в народной оронимике. Кроме «идиопредставлений», значение здесь имеет и определённая типизация (типовой набор названий для обозначения типовых ландшафтных элементов).

Далее приведём некоторые **именные объекты**. Досуна Уля — протока, где жил охотник Досун, к именованным относятся также кава Лянкуя, кава Коко, Сангели (место, названное по имени проживавшего там удэгейца), Пакулинский балаган, Геонковское место, Пианковское место; плёс Мяктаси — отмечен как место, где идёт ход животных на другой берег, Лалигоу — место, где во время наводнения погибла от голода удэгейская семья и др. [ПМА. Звиденная 2019].

Фитообъекты. Анимистический взгляд на мир, характерный для всех тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока, придавал окружающей среде особые, одухотворённые формы. Все природные объекты — реки, горы, деревья — воспринимались «живыми» и имели своих покровителей, которыми чаще всего выступали духи — «хозяева» местности. Духи обитали повсюду. Человек вступал с ними в общение как с равными, включал в систему социальных отношений. Для того чтобы духи услышали его, были добры и помогали, следовало совершать предписанные традицией обрядовые действия. В культовых местах располагались различного рода сооружения для совершения обрядов — поклонения. Чаще всего такими местами служили массивные, взрослые деревья, в стволе которых вырезалось треугольное углубление «пиу», известное также в китаизированном варианте как «мео», или «мё», а в русифицированной бытовой версии — «богомолка». Такие деревья чаще всего располагались в тайге в местах промысла. Их использовали охотники для проведения промысловых ритуалов, в современном понимании — «на удачу», «на фарт». Деревья, отмеченные треугольным ритуальным углублением, облагались рядом запретов — их нельзя было рубить, совершать обряды чужим людям. Если такое дерево утратило своего «хозяина», т.е. человека, создавшего «богомолку», совершать подношения иным лицам запрещалось, если на то не было разрешения шамана. Нарушивший запрет человек «наказывался» духами, вне зависимости от его этнической принадлежности. В среде бикинских удэгейцев ходит легенда о том, как дерево с вырезанным в нём «пиу» было срублено во время проведения рубок одним из вальщиков, после чего он был придавлен падающим деревом [ПМА. Звиденная 2019].

Деревья с треугольными «пиу» до сегодняшнего дня можно встретить в глубине тайги, на охотничьих участках бикинских удэгейцев. Современные охотники о таких местах предпочитают

умалчивать, но продолжают к ним относиться с почтением [ПМА. Латушко 2020]. «Пиу» могло располагаться не только в стволе сакрального дерева. Иногда схожий ритуал совершался с использованием углубления в древесных корнях примечательного дерева. В расчищенном месте обустроивался небольшой «алтарь» в виде заточенных и вставленных в землю палочек, между которыми натягивался лоскут ткани. Обустройство подобного места отличалось вариативностью, зависевшей от времени совершения обряда и от исполнителя. Эти обряды и ритуалы проводятся и сегодня (рис. 1).

Пещеры. Значимым видом сакральных мест являются пещеры. Подобные природные углубления вызывали известный страх, в норме их старались избегать. Любое замкнутое пространство было потенциальным местом обитания «духа». Какой именно это был дух, мог определить только шаман. Обычный человек старался держаться от них подальше. Поэтому все пещеры, о существовании которых нам удалось узнать, упоминаются как «шаманские». В бассейне р. Бикин таких пещер существовало немного. В.К. Арсеньевым упоминается священная пещера в г. Сиганку [ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6] как место поклонения шаманов. Сегодня о ней не сохранилось в памяти людей почти никаких

Рис. 1. Сергей Суанка совершает обряд «на удачу».
Фото О.О. Звиденной, 2019 г.

сведений. Однако в ходе опроса охотников удалось зафиксировать наличие ещё одной «шаманской пещеры» в верховьях р. Бикин. Но и в этом случае о её существовании смогли рассказать лишь несколько человек. Из чего можно сделать вывод, что подобные объекты на р. Бикин утратили былое значение. Причины этого могут быть разными, но одной из возможных стоит предположить общую тенденцию изменения роли и функций шаманов и трансформацию шаманизма в целом [ПМА. Латушко 2020].

Горы (сопки, скалы). «Культ скал» был широко распространён среди народов бассейна Амура. Ландшафтные доминанты, такие как выдающиеся в общем окружении сопки, скальные массивы и отдельно стоящие утёсы, каменные осыпи, лишённые растительности, и др. наполнялись сакральным смыслом [6]. Они включались в мифологическую картину мира, им ритуально поклонялись. В зависимости от того, какой именно дух был хозяином той или иной горы, зависел и характер просьб, а также сами ритуальные действия. Порой такие места могли быть запретными, так как слыли в народе вместилищем злых духов.

У бикинских удэгейцев самой известной и посещаемой скалой для совершения обрядов является скала на одноимённой г. Сивантай, первоначально связанная с древним культом духа горы Онку. Там же располагалась кумирня. Точную дату первого появления кумирни установить сложно. Одна из гипотез относительно установки на скале деревянного домика с помещёнными в него в разное время предметами: буддийской рисованной иконой, деревянными фигурками, пустой рюмкой, которая во время совершения ритуала немного наполнялась водкой, — это версия о «дорожной кумирне», созданной китайскими отходниками. Подобные китайские кумирни были описаны в многочисленных архивных и литературных источниках, воспоминаниях путешественников, исследователей XIX—XX вв. Они располагались на перевалах, в труднодоступных местах, местах промысла как охотничьего, так и женьшеневого. В пользу подобной гипотезы говорит и общественный характер ритуального места. В то время как удэгейские «богомолки» были в основном индивидуальны либо имели семейную принадлежность. В этой связи сама трансформация более древнего культа почитания духа скалы Онку в сравнительно поздний, воспринятый от китайцев, культ «бога» Лаобату крайне интересна с точки зрения реконструкции этнокультурных влияний и контактов в бассейне р. Бикин.

О почитании духа Онку удэгейцами есть сведения у В.К. Арсеньева, записанные им в ходе экспедиции 1907 г. на р. Кусунь (совр. р. Максимовка). Он общался с удэгейцами перед перевалом на р. Бикин. Максимовка является частью маршрута, связывающего бикинских удэгейцев с кусуньскими, имеющими родственные связи с родом Геонка на Бикине. По их воззрениям, «дух Онку является начальником всех зверей и птиц. Он же посылает людям соболей на охоте... Выглядит он как человек пожилых лет, с копьём и стрелами в руках... Людям он не делает зла». Спустя почти 70 лет дальневосточными этнографами было записано ещё одно описание культа скалы Сивантай: «Скала по-нашему называется Сивантай. А русские называют её „Богомолка“. Эту скалу нужно угощать, только когда идёшь на охоту. В скале живет её дух-хозяин. У него много названий — „бог“, „Онку“. Хозяин скалы похож на человека и немного на обезьяну. Только красный и очень страшный. Хозяин всегда находится рядом с этой скалой. Шуметь возле этой скалы нельзя. Если будешь шуметь, то хозяин скалы придёт к тебе во сне. Его нужно угощать маленькой лепёшкой галяна, пшённой кашей джакта, можно и рисовой кашей, обязательно нужно дать чуть-чуть водки. А раньше-то водки не было, и поэтому использовали багульник. Палочки и листики багульника нужно жечь на костре, чтобы шёл густой дым. Запах горящего багульника очень нравится духу-хозяину. Однако не только ему одному, но и всем зверям. Хозяина угощают, чтобы он дал охотничий фарт» [2].

Почитание бога Лаобату началось со времён межэтнических контактов удэгейцев с народами соседнего Китая [10; 12]. Считается, что оно включило в себя элементы китайского культа «мяо». Именно в это время на уступе скалы появилось небольшое деревянное сооружение в виде домика — «мео» («мё»), или по-русски «богомолка», — где совершается обряд поклонения «богу» Лаобату. Одно из народных названий этого «бога» — «китайский бог». Сравнивая почитание духа Онку и «бога» Лаобату, можно прийти к выводу, что данные культы, направленные на помощь человеку в промысле, были функционально близки друг другу. Ввиду этого поклонение Лаобату со временем стало органичной частью духовной традиции бикинских удэгейцев.

В дневниках В.К. Арсеньева имеется и зарисовка сопки Сивантай в трёх проекциях (рис. 2). Но какого-либо описания удэгейских духовных практик или особого отношения к этой скале у Владимира Клавдиевича мы не находим, также как объяснений

Рис. 3. «Богомолка», г. Сивантай, современный вид.
Фото О.О. Звиденной, 2019 г.

традиции, которая и сегодня сохраняет особое отношение к отдельным элементам окружающей среды.

Таким образом, на примере территориальной группы удэгейцев р. Бикин хорошо видна матрица этнокультурных проекций — объекты рельефа (горы, сопки, скалы, пещеры и др.), фитообъекты (в первую очередь деревья), именные объекты, которые продол-

жают символически осмысливаться и конституировать пространство удэгейской культуры. И сегодня ряд её элементов сохраняет былое значение, притом что часть смыслов утрачена или трансформировалась. Наиболее интересна, в представленном нами контексте, эволюция образа Лаобату. Современные промысловые ритуалы отправляются, но уже не имеют привязки к традиционной мифологии. Отчасти это связано с разрушением шаманской культуры и современными этническими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911 гг. Хабаровск: Типография штаба Приамурского военного округа, 1912. 324 с.
2. Березницкий С.В. Вечные скалы — хранители времени и удачи // Словесница искусств. 2006. № 18. С. 26—36.
3. Березницкий С.В. Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 211—231.
4. Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: Стратегия: ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с.
5. Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Понятие и методология исследования культурного ландшафта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 10—18.
6. Латушко Ю.В., Самар А.П., Белая Е.Г., Левченко А.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106—121.
7. Латушко Ю.В., Свистов Н.Л., Левченко А.В. Этнодифференцирующие элементы современного культурного ландшафта р. Бикин // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 32. С. 33—49.
8. Номинация «Долина реки Бикин» (расширение объекта всемирного наследия «Центральный Сихотэ-Алинь»). URL: <http://www.nhpfund.ru/nomination-files/bikin-river-valley-nomination.html> (дата обращения: 13.02.2023).
9. Паничев А.М. Бикин. Тайга и люди. Владивосток: ДВГТУ, 2005. 200 с.
10. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX—XX вв.: историко-этнографические очерки. Владивосток: ДВГУ, 1991. 162 с.
11. Проект нормативов допустимого воздействия (НДВ) по бассейну реки Амур: Уссури. Хабаровск: Федеральное агентство водных ресурсов РФ. Амурское бассейновое водное управление, 2012. 158 с.
12. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX—XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
13. ОИАК (Общество изучения амурского края).
14. ПМА (Полевые материалы О.О. Звиденной, Красный Яр, 2019).
15. ПМА (Полевые материалы Ю.В. Латушко, Красный Яр, 2020).

REFERENCES

1. Arsen'ev V.K. *Kratkiy voenno-geograficheskiy i voenno-statisticheskiy ocherk Ussuriyskogo kraya. 1901—1911 gg.* [A Brief Military-Geographical and Military-Statistical Sketch of the Ussuri Region. 1901—1911]. Khabarovsk, Tipografiya shtaba Priamurskogo voennogo okruga Publ., 1912, 324 p. (In Russ.)
2. Berezniitskiy S.V. *Vechnye skaly — khraniteli vremeni i udachi* [Eternal Rocks — Guardians of Time and Good Luck]. *Slovesnitsa iskusstv*, 2006, no. 18, pp. 26—36. (In Russ.)
3. Berezniitskiy S.V. *Etnokul'turnye proektsii sakral'nykh landshaftov u korennykh narodov Amura i Sakhalina* [Ethnocultural Projections of Sacred Landscapes among the Indigenous Peoples of Amur and Sakhalin]. *Etnografiya*, 2021, no. 4 (14), pp. 211—231. (In Russ.)
4. Zvidennaya O.O., Novikova N.I. *Udegeytsy: okhotniki i sobirатели reki Bikin (Etnologicheskaya ekspertiza 2010 goda)* [Udege People: Hunters and Gatherers of the Bikin River (Ethnological Examination of 2010)]. Moscow, Strategiya Publ., IP Andrey Yakovlev Publ., 2010, 154 p. (In Russ.)
5. Kalinina G.N., Tikunova S.V. *Ponyatie i metodologiya issledovaniya kul'turnogo landshafta* [The Concept and Methodology of Cultural Landscape Research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2018, no. 5 (85), pp. 10—18. (In Russ.)
6. Latushko Yu.V., Samar A.P., Belaya E.G., Levchenko A.V. *Istoriko-kul'turnye landshafty Amura v sovremennoy nanayskoy kul'ture (po materialam polevogo issledovaniya 2019 g.)* [Historical and Cultural Landscapes of Amur in Modern Nanai Culture (Based on the Materials of a Field Study in 2019)]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2019, no. 4, pp. 106—121. (In Russ.)
7. Latushko Yu.V., Svistov N.L., Levchenko A.V. *Etnodifferentsiruyushchie elementy sovremennogo kul'turnogo landshafta r. Bikin* [Ethnodifferentiating Elements of the Modern Cultural Landscape of R. Bikin]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2021, vol. 32, pp. 33—49. (In Russ.)
8. *Nominatsiya «Dolina reki Bikin» (rasshirenie ob"ekta vseмирного наследия «Tsentral'nyy Sikhote-Alin'») [Nomination "Bikin River Valley" (Expansion of the World Heritage Site "Central Sikhote-Alin")]. Available at: <http://www.nhpfund.ru/nomination-files/bikin-river-valley-nomination.html> (accessed 13.02.2023). (In Russ.)*
9. Panichev A.M. *Bikin. Tayga i lyudi* [Bikin. Taiga and People]. Vladivostok, DVG TU Publ., 2005, 200 p. (In Russ.)
10. Podmaskin V.V. *Dukhovnaya kul'tura udegeytssev XIX—XX vv.: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Spiritual Culture of the Udege People of the 19th — 20th Centuries: Historical and Ethnographic Essays]. Vladivostok, DVG U Publ., 1991, 162 p. (In Russ.)
11. *Proekt normativov dopustimogo vozdeystviya (NDV) po basseynu reki Amur: Ussuri* [Draft Standards of Permissible Exposure (NDV) for the Amur River Basin: Ussuri]. Khabarovsk, Federal'noe agentstvo vodnykh resursov RF. Amurskoe basseynovoe vodnoe upravlenie Publ., 2012, 158 p. (In Russ.)
12. Startsev A.F. *Kul'tura i byt udegeytssev (vtoraya polovina XIX—XX v.)* [Culture and Life of the Udege People (the Second Half of the 19th — 20th Century)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, 444 p. (In Russ.)